

УДК 82-0

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-123-130>

Формирование жанрового канона романа-антиутопии в романе Е. И. Замятина «Мы» на фоне историко-литературных исканий эпохи и внутренних закономерностей эволюции романной формы

Дмитрий Леонидович Быстренков¹, Алексей Аширович Казаков²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *inkisback@mail.ru*

² *Akaz75@mail.ru*

Аннотация

Во всех исследованиях, в которых решается задача определения общей структуры романа-антиутопии, это делается изолированно от общих тенденций эволюции романной формы, как будто названный жанровый подвид напрямую определяется внедренным социально-философским содержанием при нулевом сопротивлении самой художественной формы. Нам же представляется, что, наоборот, антиутопическое миромоделирование (в том числе в социально-философском аспекте) ограничивается и определяется возможностями сложившихся к тому времени жанровых моделей осмысления действительности. Для романной архитектоники характерна амбивалентность и утопичность (М. Бахтин) или равновесие противоположностей и утопичность (Д. Лукач), что становится основой для романа-антиутопии. При этом утопическая и антиутопическая модели общества существуют в сложной амбивалентной корреляции, унаследованной из неразрешимой антиномичности идей об идеальном человеческом мире, которые можно считать предтечами (анти)утопической мысли (отставание – прогресс – сохранение изначального – утрата изначального; персональная свобода – деспотия – благотворная централизация – губительная децентрализация и др.). В современном литературоведении ни у кого не вызывает сомнения особая роль романа Е. И. Замятина «Мы» в антиутопической литературной традиции. Но при этом обычно не ставится вопрос о скрытой за этим историко-литературной или поэтологической закономерности, потому что без открытого объявления подразумевается, что русский писатель просто «успел» первым откликнуться на социально-историческую злобу дня, а если бы не было этих обстоятельств, роман «Мы» мог и не приобрести такого историко-литературного значения. В противовес такому пониманию ситуации в этой статье предлагается рассмотреть скрытые за феноменом романа Замятина закономерности литературного процесса и механизмов эволюции жанровых форм, сложившихся в точке соединения романной формы и (анти)утопической модели реальности. Как следует из результатов проведенного исследования, ключевая роль в названных процессах романа «Мы» определяется именно тем, что в этом произведении происходит полное слияние утопической и антиутопической концепции с романной формой и формирование жанрового канона романа-антиутопии. При этом предшествующие значимые обращения к утопическому или антиутопическому (у Ф. М. Достоевского, Г. Уэллса или в русской религиозной философии рубежа XIX–XX вв.) такого специального жанрового подвида романа не создают, а последующие обращения к проблеме у А. П. Платонова, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, Р. Брэдли и др. прямо или косвенно опираются на замятинский канон формы.

Ключевые слова: *утопия, антиутопия, поэтика романа, современный жанровый канон, Е. И. Замятин, утопичность и амбивалентность романа*

Для цитирования: Быстренков Д. Л., Казаков А. А. Формирование жанрового канона романа-антиутопии в романе Е. И. Замятина «Мы» на фоне историко-литературных исканий эпохи и внутренних закономерностей эволюции романной формы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 123–130. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-123-130>

Shaping of the genre canon of the dystopian novel in the novel by E. I. Zamyatin “We” against the background of the historical and literary quest of the era and the internal laws of the evolution of the novel form

Dmitriy L. Bystrenkov¹, Aleksey A. Kazakov²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

¹ inkisback@mail.ru

² Akaz75@mail.ru

Abstract

In modern literary criticism, no one doubts the special role of the novel by E. I. Zamyatin “We” in the dystopian literary tradition. Among the illustrative studies on the topic, we mention S. S. Romanov, who determines why the appearance of the novel “We” “marked a new stage in the development of anti-utopianism, and its author was recognized as the first classic of the genre.” This article proposes to consider the named work not only in the aspect of its direct historical and literary factuality, but to study the hidden patterns of the literary process and the mechanisms of the evolution of genre forms that have developed at the junction of the novel form and the (anti) utopian model of reality. As follows from the results of the study, the key role in these processes of the novel by E. I. Zamyatin’s “We” is determined precisely by the fact that there is a connection and complete merging of the utopian and dystopian concepts with the novel form and the formation of the genre canon of the dystopian novel. At the same time, previous significant appeals to the utopian or dystopian (by F. M. Dostoevsky, H. Wells or in Russian religious philosophy at the turn of the 19th–20th centuries) do not create such a special genre subtype of the novel, and subsequent appeals to the problem by A. P. Platonov, O. Huxley, J. Orwell, R. Bradbury and others directly or indirectly rely on Zamyatin’s canon of form.

Keywords: *utopia, dystopia, novel, genre canon*

For citation: Bystrenkov D. L., Kazakov A. A. Formirovaniye zhanrovogo kanona romana-antiutopii v romane E. I. Zamyatina “My” na fone istoriko-literaturnykh iskaniiy epokhi i vnutrennikh zakonornostey evolyutsii romannoy formy [Shaping of the genre canon of the dystopian novel in the novel by E. I. Zamyatin “We” against the background of the historical and literary quest of the era and the internal laws of the evolution of the novel form]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 123–130 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-123-130>

Введение

Существует множество исследований, в которых решается задача определения общей структуры романа-антиутопии. В исследовании Ю. А. Борисенко предпринимается попытка «уточнить имеющиеся определения жанра антиутопии и тем самым способствовать более глубокому осмыслению ее природы, структуры и функции» [1]. Е. Ю. Козьмина формирует понимание того, что «Существует инвариантная структура романа-антиутопии, т. е. система устойчивых черт и признаков, характерных для произведений этого жанра и определяющих его функционирование» [2]. А. Н. Воробьева отмечает: «Утопия и антиутопия рассматриваются как единый жанр, совмещающий противоположные знаки одних и тех же эстетических установок. Ведущие признаки этого жанра: 1. Изображение коллектива, организации, общества как модели лучшего (утопия) или худшего (антиутопия) государственного строя; 2. Отказ от настоящего,

который выражается в радикальных формах: разрыв с привычной средой, эскапистский уход в другое, закрытое пространство, переход в другое время; 3. Коллективный характер утопической цели» [3].

Во всех этих исследованиях роман-антиутопия рассматривается изолированно от общих тенденций эволюции романной формы. Нередко речь идет о том, что этот жанровый подвид напрямую определяется внедренным социально-философским содержанием при нулевом сопротивлении самой художественной формы. Но, как показывает художественная практика XX в., наоборот, антиутопическое миромоделирование (в том числе в социально-философском аспекте) ограничивается и определяется возможностями сложившихся к тому времени жанровых моделей осмысления действительности.

Сформулируем суть собственной модели утопического-антиутопического и найдем ее место в общей истории жанровой эволюции.

В точке кристаллизации специального жанрового подвида утопия и антиутопия проявляют свою амбивалентность. Это важный момент с дискуссионным заострением: в мировом литературоведении (в том числе отечественном) последних 40–50 лет исследование антиутопического предполагает обязательную критику любых утопических устремлений во имя защиты частной независимости и приземленного материалистического прагматизма. Можно говорить о всемирной победе в рамках названного периода англосаксонского проекта борьбы с тоталитаризмом, сформулированного в Британии в 1940-е гг. с дальнейшим присоединением США. Отражение этого момента можно видеть в статье Дж. Оруэлла «Литература и тоталитаризм» (1941). Реальная художественная практика (в том числе у Оруэлла) не определяется содержанием этого проекта.

Амбивалентность реализуется в творческих и художественных исканиях (Дж. Оруэлл, О. Хаксли, А. Платонов, Р. Брэдбери, братья Стругацкие и многие другие писатели создают и утопии, и антиутопии, часто сложно сплетая эти тенденции в одних и тех же произведениях). Это связано, во-первых, с амбивалентностью мировоззренческих моделей, которые были непосредственными предтечами утопического/антиутопического и с которыми интересующий нас комплекс не теряет связи на протяжении всего своего существования. Речь идет о следующих миро моделирующих концептах: отставание – прогресс – сохранение изначального – утрата изначального; персональная свобода – деспотия – благотворная централизация – губительная децентрализация; божественная свобода – демоническое рабство – божественное доминирование – демоническое восстание; восточная деспотия (например, персидская или татарская) – западная свобода (например, афинская или польская) – западный эгоизм и отъединение – восточное смирение и готовность служить важному и общему; восточная дикость – западная цивилизация – западный мертвенный порядок – восточная живая стихия и т. д. Как можно видеть, эти миро моделирующие истоки утопического и антиутопического тоже демонстрируют свою амбивалентность. Вспомним, например, что, если у Достоевского Божественное дает свободу от дьявольского порабощения, то у Байрона или Лермонтова демоническое и каиновское, наоборот, олицетворяет бунт против Божественной деспотии.

Еще важнее то, что, во-вторых, такая амбивалентность утопического и антиутопического с момента формирования замятинского жанрового канона подкрепляется внутренними законами

самой романной формы, одними из краеугольных камней которой, по определению Д. Лукача и М. Бахтина, являются именно утопичность и амбивалентность (или, в версии Лукача, равновесие противоположностей). Более полно о лукачевской и бахтинской концепции романа будет сказано ниже.

Этот комплекс историко-литературных и жанрово-поэтологических проблем будет кратко изложен в данной статье.

В современном литературоведении ни у кого не вызывает сомнения особая роль романа Е. И. Замятина «Мы» в антиутопической литературной традиции [4]. В этой статье предлагается рассмотреть скрытые закономерности литературного процесса и механизмов эволюции жанровых форм, сложившихся в точке соединения романной формы и (анти)утопической модели реальности. Как следует из результатов проведенного исследования, ключевая роль в этих процессах романа Е. И. Замятина «Мы» определяется именно тем, что происходит полное слияние утопической и антиутопической концепции с романной формой и формирование жанрового канона романа-антиутопии. При этом предшествующие значимые обращения к утопическому или антиутопическому (у Ф. М. Достоевского, Г. Уэллса или в русской религиозной философии рубежа XIX–XX вв.) такого специального жанрового подвида романа не создают, а последующие обращения к проблеме у А. П. Платонова, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, Р. Брэдбери и других прямо или косвенно опираются на замятинский канон формы.

Материал и методы

Источниками исследования послужили утопические и антиутопические произведения, способствовавшие формированию канона жанра романа-антиутопии XX в. [5–11].

Методологию составляют герменевтический, биографический, структурный и сравнительный методы исследования. Теоретическая основа статьи подкреплена трудами по теории литературы: М. М. Бахтина [12] и Г. Лукача [13].

Результаты исследования

Какой облик приобретает канон романа-антиутопии в произведении Замятина? Попробуем обобщить его и с точки зрения структурных принципов представленного художественного мира, и в аспекте повторяющихся мотивов.

1. Важнейшим структурным признаком утопического мира оказывается его пространственная **изолированность и закрытость** и временной коррелят этого качества: **подчинение правилам**,

заданному ритму, ритуализацию, что предполагает, по сути, преодоление временной изменчивости, развития (как закрытость и изоляция преодолевают пространственную открытость).

Исследователи видят истоки принципа ритуализации еще у Платона: «утопические модели общества, начиная с платоновского „Государства“, воплощались в картинах идеально устроенных городов, где жизнь организована ритуально, по стандартным образцам поведения» [14, с. 158]. Такой же неотъемлемой частью утопического является пространственная закрытость. Т. Мор придумывает свою Утопию, находящуюся на острове, изолированном от остального мира естественными границами. У Е. Замятина этот принцип осуществляет зеленая стена, которая разграничивает антиутопическое пространство и пространство природное. У О. Хаксли топос «нового мира», по видимости, открыт, но имеются в наличии закрытые резервации для дикарей и острова для диссидентов, т. е. действует принцип изоляции от Иного. Природа тоже выносится в заповедники, консервируется, т. е. метафорически предполагается «стена». У Дж. Оруэлла в «1984» также используется топология острова.

Принципиальный момент: закрытость и ритуализация – это лишь изначальная интенция утопического. **В итоговом «замятинском» каноне и у продолжателей русского писателя изоляция и остановка движения в обязательном порядке нарушаются.**

При этом нельзя считать это свойство признаком только антиутопических критицизма и кризисности. В романе О. Хаксли «Остров», где предложена позитивная утопия (на основе восточной философии, противопоставленной западному социально-историческому тупику), изолированный гармоничный мир разрушен внешними силами.

Предположим, что это приобретенное свойство связано именно с природой романной формы. Как указывал Д. Лукач в современном мире, который находится в корреляции именно с романной формой, больше невозможна эпическая тотальность. В романизованном мире смысловая полнота и гармония возможны только в виде изолированного идиллического осколка, уязвимо перед остальным неидеальным и кризисным миром [13].

2. По этой же логике разворачивается и следующее структурное свойство. В изначальной утопической интенции предполагается **гармоническое отсутствие конфликтов**, а в мире романной проблематизации (без различения утопического и антиутопического) общество **обречено на конфликты и дисгармонию**. Это определяется разными причинами: непреодолимым расслоени-

ем людей, противоречиями между утопическим и эмоционально-чувственным или даже биологическим и т. д. При этом (анти)утопический мир обычно стремится найти способы подавления этих конфликтов и объективных сил, которые за ними скрыты.

В «Утопии» Т. Мора нет преступлений (поэтому нет уголовного законодательства), конфликты устранены путем ликвидации частной собственности и финансового неравенства. В «Государстве» Платона и «Городе Солнца» Т. Кампанеллы также решена проблема с бедностью, общество строго дифференцировано, каждый занят своим делом, отсутствуют конфликты на почве зависти.

В романе Е. И. Замятина «Мы» благодаря научно-техническому прогрессу решена проблема с нехваткой пищи, нет предметов роскоши, нет конфликтов и зависти, все принадлежит всем по розовому билету. Хаксли идет дальше, придумывая общество, которое заранее запрограммировано на определенную работу, должность, здесь зависть просто невозможна, каждый получает то, что он запрограммирован хотеть. Оруэлл работает с конфликтами немного иначе, в созданном им обществе все питаются одной пищей в соответствии с нормой (за исключением правящего класса, о котором никому не известно, а поэтому никак не влияет на состояние общества), конфликты направлены во вне, на внешнего врага, которого средний житель антиутопии никогда не видел и не увидит.

Но по итогу мы видим в романах Замятина и его последователей недовольных этим миром, вступающих с ним в конфликт.

3. На этой основе формируется **повторяющийся набор мотивов:**

– разные формы химического, хирургического, психического и т. д. подавления естественных душевных или биологических склонностей человека (сома у Хаксли, двоемыслие (как обязательное упражнение по контролю своего сознания) у Оруэлла, излучатели в «Обитаемом острове» братьев Стругацких и т. д.);

– обобществление сексуальной жизни (у Оруэлла в инвертированном виде – сексуальное равенство не на основе общедоступности, а на основе общего подавления желаний);

– мотивы механичности, однообразия, одинаковости, безликости;

– герой-диссидент как главная движущая сила сюжета;

– героиня как главная причина бунта главного героя. Иногда как непосредственное олицетворение возможности иной жизни и иного мышления (как у Замятина или Оруэлла), иногда как пассивный триггер (Ленайна у Хаксли);

– антагонист, олицетворяющий власть и систему (у Замятина это Благодетель). Иногда этот персонаж обобщенный и внесценический (как Большой Брат у Оруэлла), иногда непосредственно взаимодействующий с главным героем (как Мустафа Монд у Хаксли);

– капитуляция главного героя перед системой и смерть или ее аналоги (медицинское удаление фантазии у Д-503 в романе «Мы»).

Многие элементы этого канона были литературно осмыслены задолго до Замятина. В первую очередь это происходило в литературе Нового времени, поскольку именно для этой эпохи характерны утопические поиски, на что прямо указывает Хаксли, взяв в качестве заглавия романа «О дивный новый мир» цитату из Шекспира. Так Хаксли пытается вернуть нас к историческим истокам утопического мышления Нового времени. Но можно искать первые проявления такого мышления еще раньше, вплоть до античности, ведь уже говорилось о роли Платона в формировании утопической модели.

Ю. Л. Латынина в работе «Литературные истоки антиутопического жанра» упоминает комедию Аристофана «Женщины в народном собрании». Написание комедии связано с кризисом в афинском обществе, поэтому затрагиваются проблемы построения идеального государства. Автор исследования предполагает (возможно, с долей паранаучной иронии), что здесь мы встречаем общее место антиутопий: превращение идеи об общем имуществе в идею об обобществлении сексуальной жизни [15, с. 5].

Вернемся к более важному для антиутопии Новому времени. Исследуя эволюцию романа, М. М. Бахтин обращается к сатире Гриммельсгаузена *Der fliegende Wandersmann nach dem Monde*. Ученый упоминает здесь некоторые важные моменты произведения: «Исключительная чистота и правдивость жителей луны, они чужды всех пороков. Судов и болезней они не знают, ибо нет преступлений и пороков; царит вечная весна; живут долго, и смерть встречают веселым пиром с друзьями; тела их не гниют. Если у ребенка замечается склонность к порокам, то, чтобы не заразить общество, его отправляют на землю (отсюда население американского континента)» [12, с. 737]. Как видно, уже здесь присутствуют утопические и антиутопические черты, диктуемые жанром романа. Все перечисленные выше преимущества иноземного общества в романе-антиутопии XX в. станут жанрообразующими, важным станет также мотив избавления от неугодного члена общества.

Очень важную роль в предыстории романа-антиутопии сыграли «Путешествия Гулливера»

Дж. Свифта. Обратим внимание, что в этом произведении утопическое и антиутопическое уже соединяется с формой романа, но неким каноническим образцом этот текст не стал, возможно, потому что он сильно опережает свое время. Хотя уместно вспомнить и тот факт, что в британской литературной критике Дж. Оруэлла чаще генеалогически возводят именно к Свифту, а не к Замятину.

Непосредственное продолжение исканий Замятина мы видим в романах О. Хаксли и Дж. Оруэлла (в этой статье отстранимся от вопроса о месте в этой линии преемственности О. Хаксли с учетом того, что он отрицал знакомство с романом «Мы» до написания романа «О дивный новый мир» – этому вопросу посвящена другая наша статья) [16]. Из произведений 1930–40-х гг. можно также упомянуть повесть Айн Рэнд «Гимн» (1938), которая во многом повторяет роман Замятина. У американской писательницы даже имена героев строятся похожим образом. Само же общество в повести максимально уравнено, половая жизнь регламентирована, воспитание детей контролируется государством.

В дальнейшем замятинский канон зачастую продолжается благодаря знакомству с произведениями Хаксли и Оруэлла (без обязательного прочтения романа «Мы»).

В 1953 г. публикуется роман американского писателя Р. Брэдли «451 градус по Фаренгейту». Антиутопия о запрете и сжигании книг строится по замятинской модели. Люди в этом романе лишены не просто книг как физического носителя информации, а чувственной жизни, связи с природой, доступа к своей собственной фантазии. «Ее лицо было как остров, покрытый снегом: если дождь прольется над ним, оно не ощутит дождя; если тучи бросят на него свою вечно движущуюся тень, оно не почувствует тени. Неподвижность, немота... Только жужжание остулок, плотно закрывающих уши Милдред, только остекленевший взор и слабое дыхание, чуть колеблющее крылья ноздрей – вдох и выдох, вдох и выдох, – и полная безучастность к тому, что в любую минуту даже и это может прекратиться навсегда» [11, с. 17].

Роман Р. Силверберга «Вертикальный мир» 1971 г. возводит в абсолют антиутопический концепт о принадлежности всех всем. Общество строится на воспевании постоянного размножения, бесконечного увеличения популяции планеты. Герои в этом произведении сталкиваются с классическими антиутопическими проблемами поиска реальной свободы в мире, как кажется с первого взгляда, абсолютных свобод. Это одна из возможных инверсий темы – антиутопическое недоверие

вызывают не только деспотия и подавление, но и возведенное в абсолют и навязываемое принудительно либертарианство. Как и героям романов «Мы», «О дивный новый мир» и «1984», персонажам «Вертикального мира» суждено погибнуть, проиграть миру антиутопически интерпретированной бессмысленной вседозволенности.

В XXI в. романы-антиутопии занимают нишу подростковой литературы, но сохраняют заложенные еще Замятиным каноны жанра. В трилогии американской писательницы Сьюзен Коллинз «Голодные игры» 2008–2010 гг. общество разделено на богатое большинство и бедное меньшинство. При этом столица государства – Капитолий, являясь утопией, для ее жителей отгорожена от остального мира. Важную роль здесь играет фигура президента Сноу, образ выстроен в соответствии с канонами жанра (Благодетель, Большой Брат).

Наконец, отдельного внимания заслуживает место романа Замятина не в истории литературы, а в исторической поэтике, в эволюции романной формы, то, как антиутопия соответствует внутренним основам романной формы.

Антиутопическое тесно связано с романной формой еще на стадии зарождения этой самой формы. Неслучайно принято связывать XX в. с расцветом антиутопической литературы, ведь именно в 1920 г. был написан роман Е. И. Замятина «Мы», ставший как родоначальником жанра, так и неким канонами для авторов, идущих по его стопам. Антиутопический текст имеет множество истоков, это и технологический прогресс, и социальные потрясения, и связанный с этими глобальными изменениями в человеческой жизни расцвет научной фантастики, и философские течения рубежа веков (в частности, русская религиозная философия).

Ключевым видится связь антиутопии именно с литературным жанром романа. По мысли Г. Лукача, одного из ключевых в XX в. создателей теоретической концепции романной формы, романная структура всегда утопична (если понимать этот термин максимально широко). «Элементы романа полностью абстрактны в гегелевском значении этого слова: абстрактна страсть людей, направленная лишь на утопическое завершение и не воспринимающая как подлинную реальность ничего, кроме себя и собственных вожделений; абстрактны социальные структуры, опирающиеся лишь на свою фактическую силу; абстрактен творческий подход, который не устраняет, а оставляет нетронутой дистанцию между обеими абстрактными группами структурных элементов, не преодолевает ее, а делает ощутимой в качестве переживания романного героя и, превратив ее в орудие компози-

ции, использует для объединения обеих групп» [13, с. 38–39].

Иначе говоря, это свойство присуще и утопиям в узком смысле, и антиутопиям, и романам, по видимости, не связанным с социально-философским или историософским пониманием утопического.

М. М. Бахтин, другой виднейший теоретик романа, говорит о принципиальной утопичности мениппеи, к которой он возводит всю романную традицию Нового времени [17, с. 133].

В этой статье ограничимся тезисным утверждением этой мысли, поскольку сверка идей М. М. Бахтина и Д. Лукача об амбивалентной и утопической природе романной формы с реальной антиутопической литературной практикой заслуживает отдельного рассмотрения (это исследование было проделано в другой работе [18]).

Заключение

Утопическая и антиутопическая модель общества существуют в сложной амбивалентной корреляции, которая унаследована из неразрешимой антиномичности идей об идеальном человеческом мире, которые можно считать предтечами (анти)утопической мысли (отставание – прогресс – сохранение изначального – утрата изначального; персональная свобода – деспотия – благотворная централизация – губительная децентрализация и др.).

Природа романа-антиутопии определяется не внедренным социально-философским содержанием при нулевом сопротивлении самой художественной формы. Скорее, наоборот, существующие формы жанрового обобщения реальности определяют границы социально-философской мысли. Решающую роль играет сама жанровая модель романа и ее возможности. Для общей формы романа характерна утопичность и амбивалентность (согласно Бахтину) или утопичность и динамическое равновесие (согласно Лукачу), что и определяет свойства романа-антиутопии.

Ключевая роль в истории антиутопии романа Е. И. Замятина «Мы» определяется именно тем, что происходит соединение и полное слияние утопической и антиутопической концепции с романной формой и создание жанрового канона романа-антиутопии. На этой основе складывается перечень характерных компонентов замятинского канона, которые заимствуются продолжателями. Отметим в качестве наиболее концептуально значимого совмещение утопической установки на закрытость, неизменяемость и бесконфликтность и по-романному дестабилизирующей тенденции к разрушению закрытости, к переменам и конфликтам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борисенко Ю. А. Риторика власти и поэтика любви в романах-антиутопиях первой половины XX века: Дж. Оруэлл, О. Хаксли, Е. Замятин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2004. 10 с.
2. Козьмина Е. Ю. Поэтика романа-антиутопии: на материале русской литературы XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 20 с.
3. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI веков в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 49 с.
4. Романов С. С. Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е. И. Замятина в становление жанра антиутопии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1998. 20 с.
5. Замятин Е. И. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русская книга, 2010. Т. 1. 608 с. Т. 2. 592 с. Т. 3. 608 с. Т. 4. 510 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. 624 с.
7. Хаксли О. О дивный новый мир. СПб.: Азбука-классика, 2005. 256 с.
8. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М.: Астрель, 2012. 192 с.
9. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. Роман и художественная публицистика / состав., подгот. текста В. С. Муравьев, А. М. Зверев, А. А. Файнгар и др. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
10. Уэллс Г. Фантастика: собрание сочинений в одном томе. М.: АСТ, 2010. 1214 с.
11. Миры Рэя Брэдбери. Т. 2: пер. с англ. Полярис, 1997. 335 с.
12. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 4 (1): Франсуа Рабле в истории реализма (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). М.: Языки славянских культур, 2008. 1120 с.
13. Лукач Г. Теория романа (опыт историко-философского исследования форм большой эпики) // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78.
14. Шишкин А. П. Русский берег утопии (к вопросу об эволюции русской литературной утопии) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 156–177.
15. Латынина Ю. Л. Литературные истоки антиутопического жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 20 с.
16. Быстренков Д. Л., Казаков А. А. Русская антиутопическая традиция (Ф. М. Достоевский, Е. И. Замятин) и О. Хаксли: Проблема рецептивного посредничества Н. А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 99–113.
17. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 7–300.
18. Быстренков Д. Л., Казаков А. А. Корреляция утопического и антиутопического и конститутивные основы жанровой формы романа // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 128–137.

References

1. Borisenko Yu. A. *Ritorika vlasti i poetika lyubvi v romanakh-antiutopiyakh pervoy poloviny XX veka: Dzh. Oruell, O. Haksli, E. Zamjatin. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Rhetoric of power and poetics of love in dystopian novels of the first half of the twentieth century: J. Orwell, O. Huxley, E. Zamyatin. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Izhevsk, 2004. 10 p. (in Russian).
2. Koz'mina E. Yu. *Poetika romana-antiutopii: na materiale russkoy literatury XX veka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Poetics of the dystopian novel: based on the material of Russian literature of the twentieth century. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2005. 20 p. (in Russian).
3. Vorob'yova A. N. *Russkaya antiutopiya XX – nachala XXI veka v kontekste mirovoy antiutopii. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Russian dystopia of the 20th and early 21st centuries in the context of global dystopia. Abstract. diss. dr. philol. sci.]. Saratov, 2009. 49 p. (in Russian).
4. Romanov S. S. *Antiutopicheskiye traditsii russkoy literatury i vklad E. I. Zamyatina v stanovleniye zhanra antiutopii. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Dystopian traditions of Russian literature and the contribution of E. I. Zamyatin to the formation of the dystopian genre. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Orel, 1998. 20 p. (in Russian).
5. Zamyatin E. I. *Sobraniye sochineniy: v 5 tomakh* [Collected works: in 5 volumes]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 2010. V. 1. 608 p. V. 2. 592 p. V. 3. 608 p. V. 4. 510 p. (in Russian).
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete works: 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. V. 15. 624 p. (in Russian).

7. Huxley O. *O divnyy novyy mir* [Brave New World]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2005. 256 p. (in Russian).
8. Huxley A. *Vozvrashcheniye v divnyy novyy mir* [Brave New World Revisited]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 192 p. (in Russian).
9. Orwell G. "1984" i esse raznykh let. Roman i khudozhestvennaya publitsistika ["1984" and essays from different years. Novel and literary journalism]. Moscow, Progress Publ., 1989. 384 p. (in Russian).
10. Wells H. *Fantastika: Sobraniye sochineniy v odnom tome* [Science Fiction: Collected Works in One Volume]. Moscow, AST Publ., 2010. 1214 p. (in Russian).
11. *Miry Reya Bredberi*. Tom 2 [The Worlds of Ray Bradbury. V. 2]. Voronezh, Polyaris Publ., 1997. 335 p. (in Russian).
12. Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy. Tom 4 (1): Fransua Rable v istorii realizma (1940 g.). Materialy k knige o Rable (1930–1950-e gg.)* [Collected Works. Vol. 4 (1): François Rabelais in the history of realism (1940). Materials for the book about Rabelais (1930–1950s)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 1120 p. (in Russian).
13. Lukach G. Teoriya romana (Opyt istoriko-filosofskogo issledovaniya form bol'shoy epiki) [Theory of the Novel (An Experience in Historical and Philosophical Study of the Forms of the Great Epic)]. *Novoye literaturnoye obozreniye*. 1994, no. 9, pp. 19–78 (in Russian).
14. Shishkin A. P. Russkiy bereg utopii (k voprosu ob evolyutsii russkoy literaturnoy utopii) [The Russian shore of utopia (to the question of the evolution of Russian literary utopia)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 10. Zhurnalistika*, 2016, no. 6, pp. 156–177 (in Russian).
15. Latynina Yu. L. *Literaturnyye istoki antiutopicheskogo zhanra. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Literary origins of the dystopian genre. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow. 1992. 20 p. (in Russian).
16. Bystrenkov D. L., Kazakov A. A. Russkaya antiutopicheskaya traditsiya (F. M. Dostoevskiy, E. I. Zamyatin) i O. Haksli: Problema retseptivnogo posrednichestva N. A. Berdyayeva [Bystrenkov D. L., Kazakov A. A. Russian dystopian tradition (F. M. Dostoevsky, E. I. Zamyatin) and O. Huxley: The problem of receptive mediation N. A. Berdyayev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2022, no. 78, pp. 99–113 (in Russian).
17. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoyevskogo [Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics]. In: Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy. Tom 6* [Collection of works. Vol. 6]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. P. 7–300 (in Russian).
18. Bystrenkov D. L., Kazakov A. A. Korrelyatsiya utopicheskogo i antiutopicheskogo i konstitutivnyye osnovy zhanrovoy formy [The correlation between a utopian and anti-utopian and constitutive basics of novel genre form]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 128–137 (in Russian).

Информация об авторах

Быстренков Д. Л., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

E-mail: inkisback@mail.ru

Казakov А. А., доктор филологических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050), Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

E-mail: Akaz75@mail.ru

Information about the author

Bystrenkov D. L., post-graduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: inkisback@mail.ru

Kazakov A. A., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050), Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

E-mail: Akaz75@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 10.11.2023; accepted for publication 23.03.2024